

Общая загл. - 1996. -

ОТКРЫЛ
АМЕРИКУ

Александр
ЖУРБИН

26 сент. - с. 10.

По дороге к Богу

В Америке лето – пора фестивалей. От самых маленьких, которые устраиваются энтузиастами в амбарах и сараях, до гигантских.

Из многих фестивальных событий, что мне довелось посетить в этом году, расскажу о двух. Они совершенно разные. Первое состоялось на поляне недалеко от Бостона, именуемой Танглвуд, второе – в шикарном Нью-Йоркском Линкольн-Центре. Первое был рядовой концерт в гастрольной поездке зарубежного оркестра, второе – заключительный вечер нового Нью-Йоркского Фестиваля, к тому же юбилей прославленного музыканта. В одном случае исполнялась только русская классическая музыка, в другом – ни одной ноты из России, и все сочинения – новые. И все же было много общего: и там, и там играл оркестр, пел хор, и за пультом стоял великий maestro. В одном случае это был Валерий Гергиев, в другом – Иегуди Менухин...

Я давно слежу за Валерием Гергиевым, слышал его много раз, еще с тех пор, когда мы учились примерно в одно время в Ленинградской консерватории. И как всегда бывает в таких случаях, очень трудно поверить, что человек, с которым ты вместе рос и ходил в одни классы, вдруг становится ведущим дирижером мира. И даже восторженные статьи нью-йоркских критиков, которые очень скупы на похвалу и которым обычно я доверяю, казались преувеличением – ну не может наш мальчик из провинциального Питера стать, как они пишут, одновременно Караяном, Бернштайном и Тосканини!..

Оказывается, может. Концерт в Танглвуде убедил меня в этом. Это был один из тех концертов, когда музыка из привычного набора звуков вдруг превращается в то, чем она должна быть изначально: мистическую дорогу к Богу и одновременно погружение до дна в себя самого, ощущение экстаза, счастья, света – и сразу горя, отчаяния, темноты.

Вообще-то я совсем не сентиментален, и, как всякий «профи», слушая музыку, привычно (и цинично) разлагаю все по полочкам, мысленно отмечая экспозицию, крещендо, аччелерандо и тому подобные «штучки». Душа при этом отдыхает и не волнуется, ведь все заранее известно. И лишь крайне редко бывает такое стечение обстоятельств, когда вдруг вашего слуха касается «божественный глагол». Концерт в Танглвуде – один из них. Конечно, здесь многое стеклось: прелестный прохладный вечер, компания дивных людей, наших американских друзей-интеллектуалов, и, конечно, музыка – 6-я симфония Чайковского и «Колокола» Рахманинова.

Если эта Симфония известна, то «Колокола» известны гораздо меньше, а в Америке они исполнялись чуть ли не третий раз за всю историю (притом что написаны они в 1913 году). И то правда, чтобы их исполнить, нужны очень мощные исполнительские силы: большой оркестр, большой хор, три первоклассных солиста – и все это по-русски.

Гергиев плюс хор и оркестр Киров-Театра, как их здесь называют, играл вдохновенно. Прекрасно звучали солисты – Марина Шагуч, Юрий Алексеев, Николай Путилин. Но главным творцом в этот вечер стал Валерий Гергиев. Он шаманил, ворожил, колдовал и волхвовал, его кисти ни на секунду не останавливались, а выделяли немемыслимые глиссандо и тремоландо. И хор с оркестром понимали его и сливались в одно целое, и все пело и играло, и несло куда-то ввысь, к полудночным звездам.

А после перерыва была Шестая, быть может, самая великая симфония на свете. Однако услышать ее хорошее исполнение удается крайне редко. Слишком уж она заиграна, запилена. Гергиев умудряется проскочить между Сциллой и Харибдой: он играет эту музыку так, как будто никогда не слышал ее раньше. Она звучит свежо и искренне, в некоторых эпизодах, может, даже слишком свободно и патетично, слишком опасны эти мгновенные ускорения и спады, но «ведь это его подлинные сердцеебияния, его вздохи. Эта музыка была реальностью, и он сам был миражем» (Нина Берберова. Чайковский). Перед лицом этой музыки – мы всего лишь мираж...

А после Третьей части, дьявольского скерцо, публика вдруг зааплодировала. Нет, не потому что они не знали, что будет еще одна часть. Наоборот – именно потому, что они знали, что будет дальше. Этот ужасный мрачный финал, этот похоронный марш со стонами и вздохами – им этого очень не хотелось. И коллективная, прямо-таки юговская, американская душа с ее извечной страстью к победе добра над злом, вдруг спонтанно зааплодировала, замахала руками, закричала: «Не надо! Ну пожалуйста, не надо...»

Но финал неумолимо наступил. Две великие души двух великих русских композиторов изливались на безмятежную поляну в зеленом государстве Массачусетс. И чудилось, что и не Америка это вовсе, а некая мифическая, воспетая Набоковым в «Аде» Ладора или Ардис, Российская Америка. Для подкрепления иллюзии в антракте всюду слышалась русская речь. Все-таки любовь «наших» к искусству неистребима...

Другой концерт был тоже замечательен, но совсем по-другому. В нем царил великий Менухин, о котором только за день до этого был показан потрясающий фильм. Учитель, общественный деятель, индийский йог и английский лорд. В фильме были показаны уникальные кадры (Менухин плюс Глен Гульд, Бела Барток, Дюк Эллингтон, Стефан Граппелли, Римский Папа, Рави Шанкар), а также некоторые фрагменты его ранних записей, которые не оставляли сомнений в том, что он великий скрипач (сейчас можно сильно в этом усомниться). Даже такой умный человек, как Менухин, не может вовремя остановиться). Но в этом концерте Менухин не играл на скрипке, а дирижировал. Музыка, которая звучала, была посвящена ему. Это были 14 новых сочинений композиторов из разных стран, которых сам Maestro и его соратница, скрипачка Эдна Мичел, выбрали для этого юбилейного концерта (несколько месяцев назад ему исполнилось 80).

Нельзя не оценить смелость человека, который на свой юбилей выводит не с проверенными «шлягерами» Моцарта и Сарасате, а с довольно рискованной программой. В целом он, конечно, победил, хотя после перерыва процентов 40 покинуло зал... Жалко, что не было никаких признаков юбилея. Все происходило в обычной, сухой академической манере: сыграли, поклонились, ушли. Верхом «неакадемичности» стало лишь включение в последнее сочинение мотивчика «Happy birthday to you!». Предполагалось, что здесь все должно дождаться конца и пошли домой...

Я представил, какой бы был юбилей артиста такого масштаба в России, сколько было бы цветов, остроумных речей, подарков, – и немного загрустил. Хотя казалось бы – с чего?